
ИСТОРИЯ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

А. В. БОГДАНОВ

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ В ФИЛОСОФИИ П. Я. ЧААДАЕВА

В духовном наследии П. Я. Чаадаева проблемы теории познания занимают видное место. Причем эти проблемы имплицитно или эксплицитно можно найти во всем его богатом мыслями и идеями творчестве.

Известно, что П. Я. Чаадаев был весьма сложным, неоднозначным, противоречивым и «парадоксальным» мыслителем. О сути многих его идей, концепций и выводов не смолкают дискуссии и поныне. Он плохо был понят большинством своих современников (царь высочайшим повелением объявил его сумасшедшим. Интересно, что Чаадаев принял правила *такой* игры: он написал «Апологию сумасшедшего», столь же знаменитую, что и его «Философические письма»; он не без удовольствия частенько говорил о своем «блестящем сумасшествии»).

Анализируя проблемы теории познания в философии П. Я. Чаадаева, прежде всего отметим, что русский мыслитель осветил все аспекты гносеологии: категории, принципы, формы и методы познания, проблему истины в познании и ее критерия, проблемы гностицизма и агностицизма, рационализма и нерационализма, субъекта и объекта в познании, соотношения знания и веры, сознания и познания, специфики общественно-исторического и природного познания, проблему закона, факта в познании, субъективизма и объективизма и др. И все это рассмотрено обстоятельно, глубоко, в органическом единстве друг с другом, с привлечением всех достижений философии и науки XIX в.

П. Я. Чаадаев свою теорию познания строит на прочных онтологических позициях. Он утверждает, что содержание человеческо-

го сознания объективно обусловлено внешним воздействием. Он подчеркивает, в частности, что «чисто метафизическое рассуждение вполне доказывает непрерывность внешнего воздействия на разум человека»¹. Познание человеком окружающего мира Чаадаев трактует как определенное «подчинение» его разума объективности. Он считает этот гносеологический принцип важнейшим: «нет иного разума, кроме разума подчиненного»; само же подчинение разума есть необходимое и, по видимости, «высокое», закономерное явление: «...ясно, что человеческий разум не достигает самых положительных своих знаний чисто внутренней своею силой, а направляется непременно извне. Следовательно, настоящая основа нашей умственной мощи в сущности не что иное, как своего рода *логическое самоотречение*, однородное с самоотречением нравственным и вытекающее из того же закона»².

По мнению русского философа, в физическом мире познание прежде всего осуществляется с помощью таких методов и средств, как опыт, наблюдение, рассуждение и интуиция. Объединяет все эти методы и средства то, что человек подчиняется внешнему, общему ходу вещей: человек «только повинуется закону, который перед ним раскрывается в самом движении вещей». Только благодаря этому «самоотречению», подчинению высшему началу, человеческое познание окружающего поднимается до высот «высочайшей достоверности, практической применимости», а самое, пожалуй, главное – может «предвидеть некоторые явления... с невероятной силой воздействовать на неодушевленную материю»³.

Очень интересны рассуждения П. Я. Чаадаева относительно интуиции. Мы не согласны с автором вступительной статьи к полному собранию сочинений П. Я. Чаадаева З. А. Каменским, который совершенно безосновательно считает, что философ трактует интуицию «вполне натуралистически»⁴. Но П. Я. Чаадаев вообще ни одну философскую проблему, тем более проблему интуиции, не истолковывал натуралистически. Он отмечает, что, во-первых, благодаря интуиции ученые совершили много великих открытий; во-

¹ Чаадаев, П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. – М., 1991. – Т. 1. – С. 390.

² Там же. – С. 356, 359.

³ Там же. – С. 359, 366–367, 350.

⁴ Там же. – С. 29.

вторых, П. Я. Чаадаев не только «эмпирически» описывает некоторые ее свойства, но и обращает внимание на атрибутивные ее признаки: спонтанность, «синтетичность», неопределимость и неопределенность интуитивного процесса, решение проблемы «разом», целиком, наглядно («озарение»!). В-третьих, П. Я. Чаадаев органически связывает феномен интуиции с центральным предметом своих постоянных и мучительных поисков: с «высшим началом», которому подчинено все в мире и ради которого происходит великий акт «самоотречения разума». Он пишет: «Всмотревшись в дело внимательно, находим, что величайшие открытия в естественных науках – чистые интуиции, совершенно спонтанные, то есть что они проистекают из синтетического начала. Но... хотя интуиция и составляет по существу своему свойство человеческого разума и является одним из самых деятельных его орудий, мы все же не можем дать себе в ней полного отчета, как в других наших способностях. Дело в том, что мы не просто-напросто владеем ею, как другими способностями; в этой способности есть нечто, принадлежащее высшему разуму, ей дано лишь отражать этот высший разум в нашем. И потому-то мы и обязаны интуиции самыми блестящими нашими озарениями»⁵.

П. Я. Чаадаева, естественно, более всего интересовало социальное познание, и поэтому он «центр тяжести» своих гносеологических рассуждений переносит в сферу соотношения природного и социального.

Собственно, в этих рассуждениях и содержится ядро гносеологической методологии русского философа, квинтэссенция его постоянных размышлений о специфике социального познания. Прежде всего отметим, что П. Я. Чаадаев совершенно справедливо считает проблему соотношения материального и духовного «вечной» и сложной проблемой, которая никогда не может быть решена однозначно и окончательно. Но тем не менее, по глубокому убеждению русского философа, эта проблема должна находиться в центре философских размышлений. Решительный противник любых форм догматизма, формализма, «плоского» рационализма, абсолютизирующего человеческий разум, П. Я. Чаадаев – и здесь, несомненно, сказалось благотворное влияние восточной, отечественной интел-

⁵ Чаадаев, П. Я. Указ. соч. – С. 359.

лектуальной традиции – в решении обозначенной проблемы отдает предпочтение приоритету духовности. Но он по-своему интерпретирует это предпочтение. Так, он подчеркивает тождество, единство материального и духовного. «Да, все, – пишет русский мыслитель, – отражается в сознании. Нет в природе того закона, который не повторялся бы в моем Я. Все явления физического мира воспроизводятся в мире интеллектуальном. Мысль внутри себя воспроизводит все движения природы... Закон духовной природы нам раз и навсегда предуказан, как и закон природы физической: если мы находим последний готовым, то нет ни малейшего основания полагать, будто дело обстоит иначе с первым... мы пришли к этому заключению путем логических выводов, которые прояснили для нас некоторые элементы тождества между тем и другим порядком: материальным и духовным... Да, сомнения нет, имеется абсолютное единство во всей совокупности существ: это именно и есть то, что мы по мере сил пытаемся доказать; скажу больше: в этом-то и заключается *символ веры*... всякой здоровой философии. Но это единство объективное, стоящее совершенно вне ощущаемой нами действительности; нет сомнения. Это факт огромной важности, и он бросает неизреченный свет на великое ВСЕ: оно создает логику причин и следствий... движение в мире нравственном, как и движение в мире физическом, – ...то и другое движение в своей непрерывности подчинены одним и тем же законам, а следовательно, все явления жизни духа могут быть выведены по аналогии...»⁶ А в другом месте П. Я. Чаадаев утверждает совсем противоположное: физический и духовный миры – вещи совершенно разные, и познание их совершается по-разному. Если в познании физического мира господствует опыт с его методом наблюдения, последовательность движений, жесткий детерминизм, то в мире духовном им вовсе нет места. «Но в порядке нравственном (духовном. – А. Б.), – пишет П. Я. Чаадаев, – известно ли вам что-нибудь, что бы совершилось в силу постоянного, неотвратимого закона, по которому вы могли бы делать заключение, как там (при познании природы. – А. Б.), от одного факта к другому, и предугадывать таким образом с уверенностью последующее на основании предшествующего? Ни в коем

⁶ Чаадаев, П. Я. Указ. соч. – С. 464, 377, 380.

случае. Напротив, здесь совершается все лишь в силу свободных актов воли, не связанных между собою, не подчиненных другому закону, кроме своей прихоти; одним словом, все сводится здесь к действию хотения и свободы человека. К чему бы здесь был метод опытный? Ровно ни к чему»⁷. Не противоречит ли П. Я. Чаадаев самому себе? Действительно, налицо и «неясность», и «непоследовательность», и «противоречивость», которые ставят в упрек философу большинство исследователей его творчества, в частности его теории познания. Все дело в том, что П. Я. Чаадаев целен и последователен, «концептуален» в рамках всей своей единой громадной историософской, западной системы, в том числе и гносеологии: когда он говорит о тождестве бытия и духа, то имеет в виду единство с Богом, тождество с «высшим разумом», подчинение человека с его разумом «внешнему», «высшему закону». И он прав в той уникальной системе философского «отсчета», которую сам создал, используя, конечно, только лучшие, с его точки зрения, традиции Востока и Запада, глубоко постигнуть которую и понять ее плодотворность как философии будущего, оказалось, смогут, вероятно, лишь люди грядущих поколений.

В этой небольшой статье мы не могли более подробно остановиться на гносеологических воззрениях выдающегося русского философа, но и сказанного достаточно для того, чтобы сделать вывод о том, что П. Я. Чаадаев выдвинул оригинальные идеи по сложнейшим проблемам теории познания, которые получили широкий резонанс в философии.

⁷ Чаадаев, П. Я. Указ. соч. – С. 369.